

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

Читайте детективы Ольги Володарской!
В них нет запретных тем!

Кара Дон-Жуана
Последнее желание гейши
Хрустальная гробница Богини
Карма фамильных бриллиантов
Сердце Черной Мадонны
Король умер, да здравствует король
Принцип перевоплощения
Свидание с небесным покровителем
Клятва вечной любви
Ножницы судьбы
Неслучайная ночь
Подумай об этом завтра
Призрак большого города
Его величество случай
Девять кругов рая
Страсть под чужим именем
Отвергнутый дар
Тайный дневник Лолиты
Лунный демон
Он бы отдал жизнь
Седьмая казнь
Две половинки темной души
Каждый день как последний
Гибельный голос сирены
Мемуары мертвого незнакомца
Дефиле над пропастью
Любовь как война
Красавица-чудовище
Нет дьявола во мне
Пикник на Млечном пути
Договор на одну тайну
Исповедь отшельника
Ответ перед высшим судом
Поединок с мечтой
Предпоследний круг ада
Земля перестанет вращаться

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

ЗЕМЛЯ ПЕРЕСТАНЕТ ВРАЩАТЬСЯ

Москва

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *С. Груздева*

Володарская, Ольга.

В68 Земля перестанет вращаться : [роман] / Ольга Володарская. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Никаких запретных тем! Остросюжетная проза О. Володарской).

ISBN 978-5-04-095764-4

Они вместе росли, Клавдия и Лариса. Дочки члена правительства СССР — законная и внебрачная. Первой доставалось все: безоглядная любовь папы, наряды, игрушки, отдых на лучших курортах. Второй приходилось биться за многое, но прежде всего за внимание родителя. И он не обижал ее: одевал, обувал, отправлял на море. Но Лариса понимала, что ей достаются лишь объедки с барского стола...

Зависть прочно поселилась в ней. Лариса пыталась заполучить все принадлежащее сестре. Но удавалось лишь отбивать у нее некоторых мужчин. А других — убивать... Ларису поймали и осудили пожизненно. Сестры потеряли друг друга на многие годы. Клавдия и не вспомнила бы о Ларе, если бы в городе снова не начали происходить похожие преступления...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095764-4

© Володарская О., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Часть первая

Глава 1

Гриша Матросов старался не шуметь, возвращаясь домой в час ночи. Боялся разбудить остальных обитателей квартиры. Когда ему удалось тихонько, без грохота, лишь с мягким щелчком, закрыть дверь, он снял ботинки и стал на цыпочках продвигаться к своей комнате. Еще Гриша не зажигал света — так он тоже мог потревожить чей-то чуткий сон. Держась за стеночку, парень пересек прихожую. Оставалось нырнуть в коридор, где первая дверь — его, как Гриша почувствовал под своей ногой что-то мокрое, противное, как будто живое. Парню показалось, что он наступил на клубок дождевых червей. Или змей! И пусть ни тех, ни других в городской квартире никак быть не могло, Гриша испугался, так как ненавидел всех ползучих тварей, и отпрыгнул назад. И все бы ничего, но он локтем задел полочку, висящую под зеркалом. На ней стояли духи и лак для волос. Духи принадлежали Клавдии Андреевне, лак Наталье, и когда флаконы с грохотом упали на пол, обе женщины выскочили из своих комнат.

— Простите, что разбудил, — пробормотал Гриша, зажмурившись от яркого света, зажжённого хозяйкой квартиры Клавдией Андреевной. — Я старался не шуметь, но...

— У тебя, как всегда, не получилось, — недовольно проворчала хозяйка. Затем подошла к ва-

ляющемуся на полу флакону духов, подняла его и проверила, не треснул ли.

— Откуда ты в такое время? — спросила Наталья. Она, как и Гриша, снимала комнату в этой квартире.

— В гостях засиделся.

Девушка посмотрела на него с недоверием, но ничего не сказала. Гриша был нелюдимым, если не сказать — диковатым, и соседка считала, что у него нет ни друзей, ни приятелей. Она ошибалась! У Гриши был один друг и один же приятель. Но в этот поздний час он возвращался не от кого-то из них...

— Если б я знала, что он будет доставлять столько беспокойства, ни за что не сдала бы комнату, — услышал Гриша замечание Клавдии Андреевны. Она говорила сама с собой, но так, чтоб ее слышал и жилец, якобы доставляющий беспокойство.

На самом деле с Гришей не было абсолютно никаких хлопот. Почти все свободное время он проводил в своей комнате. Выходил из нее только затем, чтобы сходить в уборную и ванную и иногда приготовить себе что-то горячее (обычно ужинал бутербродами с чаем). Смотрел телевизор и слушал музыку в наушниках. Никого к себе не водил. Но, едва въехав, он разбил любимую вазу Клавдии Андреевны, а через неделю сломал ключ, тот застрял в замке, и его пришлось менять. Несмотря на то что это оплатил Гриша, хозяйка была на него сердита. Злополучную вазу несколько раз припомнила.

— В коридоре на полу что-то мокрое и... как будто живое, — начал оправдываться Гриша. Он не хотел портить отношения с хозяйкой. — Я наступил на это и...

Клавдия Андреевна метнула взгляд за спину.

— Наталья, — ледяным тоном проговорила она. — Ты опять?

— Что? — округлила глаза девушка.

— Бросила швабру в коридоре.

— Не бросила, я поставила к стеночке, — возразила Наташа. Она не робела перед квартирной хозяйкой. — Потому что вы были в ванной, и я не могла вернуть ее на нужное место. Сами же не разрешаете беспокоить вас, когда моетесь.

Наталья проследовала к швабре с ворсом из толстых нитей, такими пользуются работники клининговых компаний, и потащила ее в ванную, именно там стояло ведро для нее. Гриша, подняв лак и водрузив его на полку, двинулся за ней. Коль он всех перебудил, можно умыться и зубы почистить. А Клавдия Андреевна ушла к себе, бубня о том, что молодежь нынче не та.

— И где ты был на самом деле? — спросила Наталья, когда молодые люди остались одни.

Гриша надеялся на то, что соседка, воткнув швабру в ведро, сразу вернется к себе, но не тут-то было. Она уселась на бортик ванной и уставилась на Григория своими выпуклыми бледно-голубыми глазами.

— Я же сказал.

— Ты соврал.

— С чего ты взяла?

— А то я тебя не знаю, — фыркнула Наталья. — Ты ни к кому не ходишь в гости. С работы сразу домой. В выходные иногда выползаешь из своей норы, но сегодня вторник.

— Уже среда.

— Ничего не меняет — будни.

Гриша выдавил на зубную щетку «Колгейт» и засунул ее в рот.

— Неужели бабу завел? — не отставала Наталья.

Он продолжал чистить зубы.

— В интернете нашел, да? Такие, как ты, только там могут. На улице или в метро познакомиться ты же не осмелишься. А работаешь ты в мужском коллективе.

Гриша сплюнул пасту и стал полоскать рот водой.

— И что в тебе не так, Гришань? — продолжала разглагольствовать соседка. — Вроде симпатичный парень, высокий. Не просто не дурак — умный. Видела я твой красный диплом академии управления. И чем ты с таким образованием занимаешься? Кошек да собак бездомных отлавливаешь. Как Шариков.

— Тот их душил, — возразил Гриша, — а я спасаю — отвожу в питомники, где их стерилизуют и пристраивают в добрые руки.

— Ой, да какая разница? Я не об этом... Ты как будто не своей жизнью живешь.

— Глупости какие, — пробормотал Гриша, сорвав полотенце с пластмассового крючка с такой силой, что крючок сломался. Жди теперь очередного нагоняя от хозяйки.

— Ты еще и музыкант. Окончил спецшколу. В группе играл. А сейчас твоя гитара пылится в углу, и на ней не хватает нескольких струн.

— Спокойной ночи, Наталья, — сказал Гриша, утерев рот полотенцем. После этого он развернулся, чтобы спешно покинуть ванную, но соседка умудрилась ухватить его за штанину.

— Что это у тебя? — спросила она.

Гриша проследил за взглядом Натальи и внутренне содрогнулся. Кровь!

— Кетчуп, — смог выдавить из себя Гриша.

— Не похоже...

— Я хот-дог на ходу ел.

— Это же кровь, Гришань.

— Ой, да отстань ты от меня, — не выдержал парень. — Сказали тебе, кетчуп.

И спешно покинул ванную.

Гриша влетел в свою комнату и запер дверь. Привалившись к ней спиной, он перевел дыхание. От волнения оно всегда сбивалось. Поэтому Гриша, имея прекрасный голос, не мог солировать в группе, в которой когда-то играл на бас-гитаре. Да, Наташа ничего не придумала, он был музыкально одарен. И прекрасно образован. И симпатичен. В одном она ошиблась. Жил он своей жизнью. Именно сейчас — своей...

Отделившись от двери, Гриша прошел к столу и включил на нем лампу. Верхний свет он не любил. При нем любое помещение казалось неудобным, а уж его комната, темная, узкая, несколько десятилетий не знавшая ремонта, уставленная допотопной мебелью, — тем более. Гриша прожил в ней два года и половину этого срока думал о том, как бы съехать. Но сначала не хватало денег на что-то более приличное, а потом он понял, что привык к своей комнатушке, которая при приглушенном свете настольной лампы вполне к себе располагала.

Гриша плюхнулся на кровать. Узкая, такими обычно заставляли спальни детских загородных лагерей и больниц, она еще и скрипела под тяжестью восьмидесятикилограммового тела. Но тут же вскочил — и не потому, что кровать скрипела. Он был на взводе, и энергия, клопочущая внутри него, требовала выхода. Еще пару минут назад Гриша был относительно спокоен. Но стоило закрыть дверь, оказаться наедине с собой, как «вулкан ожил».

Он посмотрел на свои руки — они мелко подрагивали.

Метнувшись к зеркалу, Гриша заглянул в свои глаза. Зрачки расширены. Как у наркомана под дозой, но он никогда в жизни не употреблял запрещенных препаратов.

Сердце колотилось так, что, казалось, пробьет грудную клетку. Гриша сорвал с себя футболку и посмотрел на грудную клетку — ходит ходуном. Под кожей будто поршень работает...

Кровь, вспомнил он. Стянув штаны, Гриша сунул их в пакет. Завтра выкинет. Не жалко! Он носил дешевую одежду, а эти брюки вообще в секунд-хенде покупал. Им цена три копейки. На Грише остались трусы и носки. Секунду подумав, он снял и их. Но кинул не в пакет, а на кресло.

Обнаженным Гриша вернулся к зеркалу.

Худой, высокий, но складный. Не сутулый. Широкоплечий, гладкий. На теле практически нет волос, чуть-чуть на руках и ногах. Низкий уровень тестостерона? Возможно... Гриша не задумывался об этом. Ему никогда не хотелось выглядеть как мачо. А уродись он не таким симпатичным, вообще не переживал бы. Ему хотелось быть незаметным, серым, среднестатистическим...

Но, увы, ему повезло (в общепринятом смысле) со внешностью. Яркая, запоминающаяся, она привлекала внимание окружающих. Особенно девушек. К Грише постоянно клеились барышни, а когда он не реагировал на их заигрывания, нарекали геем. Но его не тянуло к представителям своего пола. Совсем! К противоположному, собственно, тоже не особо, но все же рядом с собой он представлял именно женщину. Какую конкретно, он пока не знал, поэтому не ввязывался в отношения. А просто секс его совсем не интересовал. Ни с девушкой, ни с парнем, ни с самим собой. Поэтому он отошел от зеркала, чтобы не видеть свои гениталии. «Вулкан ожил», и они вместе с ним.

...Он долго стоял неподвижно. Наконец сердце утомилось, зрачки сузились, руки обмякли. Его отпустило.

Гриша выключил свет, лег на кровать. Вытянулся. Завтра вставать в семь утра. Значит, нужно скорее засыпать. Но не голым же...

Матросов протянул руку к стулу, на котором было сложено его исподнее. В одной стопке трусы, в другой майки. Он взял «семейники», носил их, потому что комфортно и дешево, и натянул на себя. Теперь можно и спать. Смежив веки, Григорий приготовился к дреме. Обычно она окутывала его сразу. Но сегодня он был слишком взвинчен. Пришлось считать овец...

Дойдя до сто двадцать четвертой, Гриша погрузился в сон.

Глава 2

Роман Багров встал не с той ноги. Всегда первой опускал на пол правую, а сегодня — левую. А все из-за того, что ночевал не дома, и кровать стояла не у той стены, что в его спальне. Сначала Рома не придавал этому значения. Но когда он ни с того ни с сего накричал на своего коллегу Митю Комарова и тот, насупившись, пробухтел: «Ты что, не с той ноги встал?», Багров вынужден был это признать. И подивиться тому, что этот незначительный факт влияет на его настроение. В другой день он бы просто ткнул коллегу носом в ошибку, допущенную им в отчете. Комаров бывал рассеянным, но не бестолковым — а Рома назвал его именно бестолковым, да еще матерно выругался. В чем тут же раскаялся:

— Без обид, Митяй, ладно? — примирительно проговорил он. Все равно что извинился. Полицейские друг перед другом расшаркиваться не привыкли.

— Я тебе не барышня кисейная, чтоб обижаться, — буркнул Комаров и, взяв отчет, отправился за свой стол.

Несколько секунд мужчины сидели молча. Митя то ли дулся, то ли сосредоточился на отчете, чтобы его еще раз не обозвали бестолковым. Рома же рта не открывал, опасаясь, как бы из него не вылетела очередная грубость. На сей раз в адрес судмедэксперта, который тянул с результатами экспертизы. А если Багрова сейчас понесет, он уже не остановится...

— Ты на себя в зеркало сегодня смотрел? — не поворачивая головы, спросил Митя.

— Мельком.

— Глянь повнимательнее.

Багров встал и подошел к висящему на стене круглому зеркалу. Придирчиво осмотрев свое отражение, пришел к выводу, что ничем от себя обычного не отличается. Те же серые глаза под густыми черными бровями, удлиненный нос с горбинкой, суховатый рот и квадратный подбородок. Волосы тоже лежат привычно: густые, коротко стриженные, с сединой на висках, они всегда чуть топорщились на макушке. В зубах ничего не застряло. Порезов от лезвия нет, поскольку Багров сегодня не брился.

— И что со мной не так? — поинтересовался он.

— Шею изогни.

Сделав, как советовали, Рома обнаружил под воротником рубашки багровый синяк.

— Если не собираешься засосом, как боевым орденом, светить, лучше застегни верхние пуговицы.

Но Багров поступил иначе. Он скинул рубашку и натянул на себя водолазку, хранящуюся вместе с другими сменными вещами в ящике стола. Бывало, что на службе приходилось сутками пропадать, поэтому Роман и его коллеги держали про запас пару чистых маек-рубашек, а также теплых кофт на случай, если резко похолодает.

Переодеваясь, Роман ругался про себя. Не желал ведь он связываться с женщиной, что оставила

отметину на его шее, но вчера ему, вымотанному, голодному, злому, так хотелось отдохнуть душой, поесть домашнего борща, заняться сексом, которого из-за тотальной занятости не имел уже два месяца, прижаться к мягкому податливому женскому телу и уснуть. И Багров позволил заманить себя в гости барышне, от которой он держался на расстоянии уже больше года. Ее звали Любой. Она работала секретарем у начальника. Имела педагогическое образование, преподавала после института в школе и считала педагогику своим призванием, но когда исполнилось тридцать, уволилась. Люба очень хотела замуж, а какие женихи в бабьем школьном коллективе? Физрук, трудовик и сторож. Один женат, второй пьет, третьему под семьдесят. В полиции же, как представлялось девушке, кавалеров масса, на любой вкус и цвет. Выбирай — не хочу. И Люба начала с просмотра личных дел, чтоб не обмишуриться и не связаться с женатым. Или трижды разведенным алиментщиком. Еще Люба исключила очень молодых стажеров и мужчин далеко за сорок. Оказалось, женихов и в полиции не так уж много. Побольше, конечно, чем в школе, но и не Клондайк, как она мечтала. Среди отобранных Любой кандидатов в мужья оказался и Багров. Причем именно он нравился ей больше остальных. И ему девушка начала оказывать знаки внимания первому. Но у Романа на тот момент все было в порядке с личной жизнью, имелась любимая девушка, считай, невеста, и другие барышни его не интересовали. Тогда Люба переключилась на Митю Комарова. Тот на заигрывания ответил, не подозревая о том, что после трех недель отношений ему начнут намекать на то, что пора бы уже и в загс пойти. Митяй перепугался, как бы перезревающая невеста не забеременела, чтоб его на себе женить, и дал деру. Причем в буквальном смысле: уехал

в длительную командировку и за два месяца ни разу Любе не позвонил.

Попереживав немного, девушка переключилась на другого опера. Но спугнула и его. С третьим потенциальным женихом Любовь была осторожна, но он превысил служебные полномочия, покалечил подозреваемого, за что был изгнан из органов с условной судимостью.

Так за полтора года Люба мужа и не нашла. С Ромой она все это время продолжала флиртовать, но он, хоть и расстался со своей девушкой семь месяцев назад, оставался непоколебимым...

До вчерашнего дня.

Из-за этого он сегодня такой злой. А не потому, что не с той ноги встал.

Да, Рома, прежде чем принять приглашение Любы, сообщил ей о своем нежелании вступать в отношения, и она приняла это. Сказала, что сыта ими по горло и хочет просто приятно провести вечер. Багров ей не до конца поверил, но, очистив совесть предупреждением, отправился с Любой к ней домой. Они выпили ледяной водочки, поели борща (официально Багрова пригласили именно на него), немного поболтали и занялись сексом. После чего уснули. Вот только Люба так навязчиво обнимала Рому, а он так настойчиво от нее отстранялся, откатывался, отползал, что оба не выспались, и Багров встал не с той ноги...

А тут еще этот засос. Как же, не хочет Люба отношений. Заклеймила после первого же секса.

Продолжая досадовать на себя, Багров прошел к стоящему на подоконнике чайнику и включил его. Пока вода грелась, искал заварку, но обнаружил пустую пачку из-под нее в урне. Пришлось заливать кипятком отвратную бурду, которую коллеги почему-то называли кофе. Багров был чаевником, поэтому на правах старшего опера не настаивал на покупке хорошего кофе. О чем сейчас пожалел.

Зазвонил телефон на столе Комарова. Митя снял трубку. Поговорив пару минут, он развернулся к Роману, стоящему все у того же подоконника с кружкой в руке, и выдохнул тяжело:

— Опять.

* * *

Спустя четыре часа Багров и Комаров возвращались в отдел с места преступления. Ехали на машине Ромы. Он, яростно крутя баранку старогородского «Мерседеса», возмутился:

— Как так может быть, чтоб в густонаселенном, оживленном районе труп пролежал десять часов? И не в люке канализационном или яме глубокой, а в кустах в ста метрах от трамвайной остановки!

Митя страдальчески поморщился, когда автомобиль подпрыгнул на ухабе, который Багров не удосужился объехать, и спокойно объяснил:

— Трамвай этот ходит в промзону, на нем работяги ездят на смены. К первой — в пять утра. Думаешь, человек, вставший в четыре, что-то замечает вокруг себя?

Вопрос был риторическим, поэтому Багров не стал отвечать на него, вместо этого задал свой:

— Тетка, что обнаружила тело, что тебе сказала? — Именно Комаров с ней беседовал.

— Да ничего интересного. Шла домой из магазина, и вдруг по малой нужде приспичило, решила в ближайших кустиках присесть, а там труп... В общем, еще и по-большому чуть не сходила со страху. — Опять машину подкинуло, теперь после того, как одно из колес попало в выбоину на асфальте — дороги в этой части города оставляли желать лучшего. Митя продолжил: — Покойницу тетка узнала. Сказала, видела несколько раз возле остановки. Привлекла к себе внимание дредами.